

**ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ
(конец IX – начало XX вв.)**

Аннотация. С опорой на инструментарий, предлагаемый социокультурным и цивилизационно-культурным подходом в целях исследования историко-правовых явлений, в статье обосновывается авторский взгляд на периодизацию истории отечественного государства, в основе которой лежит распространенный в научном обороте критерий – форма правления. Раскрываются причины, которые привели к возникновению двух сменявших друг друга правления, существовавших в России с конца IX в. и до начала XX в. Обращается внимание, что до середины XVI в. – это было княжеское единодержавие, а позднее, до 2 (15) марта 1917 г. – царское самодержавие.

Ключевые слова: Россия, форма правления, княжеское единодержавие, царское самодержавие.

Тема периодизации истории отечественного государства, являясь «концентрированным выражением той доктрины, которую использует исследователь для объяснения сути процессов, происходящих в его науке...»¹, не оставляет равнодушным ни одного историка права. Казалось бы, благоприятные изменения в области деидеологизации науки, отказ от принудительно господствовавшей в ней последние сто лет формационной теории общественного развития и обращение в историко-правовых исследованиях к цивилизационному подходу, к применению в типологии государства и права либертарно-юридической концепции², должны были придать позитивный импульс новым достижениям в этой области научного знания. На деле заметных успехов пока не достигнуто. Объяснение такого положения вещей, очевидно, кроется в том, что до сих пор глубоко не изучалась «...ни та социокультурная среда, в которой юридические институты сформировались и существуют, ни та, в которой предполагается их введение и действие»³, хотя для этого есть все основания, поскольку «российское право имеет достаточно глубокие корни, уходящие в историю древнерусского общества»⁴.

Заявивший о себе в юридической науке социокультурный подход, который стал применяться при изучении различных правовых явлений как «направление теоретического исследования...ставящее своей целью

*Шайрян Георгий Павлович, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, адвокат Межрегиональной коллегии адвокатов, georg5219@mail.ru

¹ Сигалов К.Е. Система оснований периодизации в отечественной и зарубежной правовой мысли // Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву. М., 2015. С. 195.

² Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2010. С. 60-64.

³ Немытина М.В. Сравнительно-правовые исследования и типология правовой культуры // Вестник РУДН. № 4 / 2013. С. 168.

⁴ Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление (философско-антропологическая концепция). Дисс. докт юрид. наук. Ставрополь, 2013. С. 302.

обнаружение и анализ закономерностей социокультурных изменений»¹, не смог заметно помочь в разрешении целого ряда проблем, стоящих перед историками права. Пригодный скорее для точечного изучения правовых закономерностей, для понимания истоков правовых норм, их этимологии и семантики, присущих им религиозных корней, в области широких обобщений он явно уступает цивилизационно-культурному подходу. Последний становится необходимым, поскольку не только позволяет «глубоко проникать в суть социальной действительности в ее прошлом²... и осознать, что «право во всех его многообразных проявлениях и формах существования является частью цивилизационной культуры»³, но и сделать обоснованные выводы, сравнивая такие сложные правовые феномены как правовые системы, правовые семьи и правовые группы.

В то же время, схожие в своих задачах оба подхода дополняют и обогащают друг друга. Их сочетание при исследовании истории отечественного государства и его периодизации позволяет избежать ее излишнего дробления, непредвзято взглянуть на уникальный тысячелетний опыт российского правового наследия, выявить заимствованные им элементы из арсенала зарубежной юриспруденции, а главное - сделать вывод о необходимости пересмотра бытующих в научной среде представлений о существовавших в России до 1917 г. формах правления, выросших на русской национальной почве, ставших результатом сложных историко-культурных, социальных процессов, а также следствием сильнеешего влияния христианской веры на народное мировоззрение и правосознание.

При обращении к исследованию формы правления как важнейшего критерия для разрешения вопроса о периодизации истории отечественно государства нельзя не заметить, что многочисленные примеры его эволюции убеждают: «право как сложная социальная система...», – на самом деле зачастую – «живет собственной жизнью»⁴. Разнообразные правовые формы, которые регулируют огромный массив общественных отношений, существуют веками и остаются в своей основе практически постоянными, несмотря на смену исторических эпох. Они насквозь пронизывают земное время и уже настолько глубоко внедрены в народное сознание, что сами, через его обладателей, оказывают осязаемое влияние на выбор формы правления, предпочтительное государственное устройство и установление политического режима.

Каждый крупный географический ареал, в зависимости от населяющих его народов, их вероисповедания, расово-антропологических отличий⁵,

¹ Ионин Л.Г. Социология культуры: учебное пособие. – М., 1996. С. 16.

² Немытина М.В. Цивилизационно-культурный подход в правоведении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). С. 40.

³ Там же, с. 30.

⁴ Пресняков М.В. К вопросу о социокультурном подходе к праву // Вестник СГА. № 4 (93). 2013. С. 158.

⁵ Сикорский И.А. Черты психологии славян // Русская расовая теория до 1917 года. Вып. 1. М., 2002. С. 219-218.

генетики и национальной принадлежности, языка и присущих ему коммуникативных особенностей межличностного общения¹, а также его исторического и цивилизационно-культурного развития, отличается от другого условиями возникновения и эволюции местных форм государственного правления, что очевидным образом сказывается на их характере. Не является исключением и российская государственность. В формах правления, существовавших в России до 1917 г., ощутимо сказалось отношение русского народа к восприятию верховной власти, к пониманию ее правовой природы, ее источника и задач, а также к оценке прав и прерогатив ее обладателей, к порядку ее законного преемства – ко всему тому, что сформировало русское монархическое правосознание с его национальными особенностями и предпочтениями².

Высказывая свое мнение относительно условий возникновения и эволюции форм правления в России, многие отечественные и зарубежные ученые все больше склоняются к тому, что цивилизационные, социокультурные и экономико-территориальные условия государственного развития в России и в странах Западной Европы сильно отличаются друг от друга. Необоснованная экстраполяция доминирующего в юридических исследованиях вестернизированного взгляда на якобы опережающий характер достижений западноевропейской юридической науки по сравнению с российским правовым опытом, постепенно уступает место изучению истории отечественного государства и права, основанного на «старинных русских элементах»³. При этом, все больше внимания уделяется выявлению их самобытности, отказу от политизированных убеждений во всеобъемлющем иностранном влиянии на формирование взглядов русского народа и его государей при выборе ими естественно присущих российской государственности форм правления.

Как отмечала по этому поводу профессор славистики Лондонского университета и автор многочисленных исследований по истории России И. Мадариага, «Либо в результате заимствований из Византии, либо под влиянием монголов, либо как реакция против них, русские разработали ряд политических и социальных институтов, не имеющих аналогов в западном мире»⁴. Современный ученый Калифорнийского университета в Беркли М. Бассин даже считает, что Россия, никогда не была в каком-либо реальном смысле европейским государством: «Скорее, она «представляла собой автономный мир, обращенный к себе самой, который обладал своим

¹ Малько Е.С. Язык как социокультурный феномен: постановка проблемы // Теория и практика общественного развития, 2012. № 6. С.18.

² Ильин И.А. О монархии и республике // Собр.соч. Т. IV. – М., 1994. С. 444-445.

³ Russell E. Martin. Law, Succession, and the 18th Century Refounding of the Romanov Dynasty. С. 19. Режим доступа: <http://www.russianlegitimist.org/new-page-1/>.

⁴ [Isabel de Madariaga](#). Autocracy and Sovereignty, [Volume 16, Issue 3-4](#). P. 369.

собственным культурным этосом и наследственным опытом позитивных исторических достижений»¹.

Под этим углом зрения на эволюцию российской государственности, невольно изменяются принятые в научном обороте представления о содержании и признаках формы правления, как о главном критерии, с помощью которого можно определить кому принадлежит власть в государстве, кто ее юридически и фактически осуществляет. Меняется также и взгляд на периодизацию истории отечественного государства и права.

І. Форма правления и преемство верховной власти как единый политико-правовой феномен российской государственности

Среди всего многообразия причин, которые способствовали появлению и развитию форм правления, имевших место в России до 1917 г., следует выделить несколько узловых. Важнейшее место среди них занимает христианское учение о царской власти. Его догматы стали мировоззренческой основой для понимания правовой природы верховной власти русского государя с ее признанным законом Божественным источником и наследственной единоличной формой правления. Теснейшим образом с этим учением были связаны и две другие причины, непосредственно повлиявшие на выбор формы правления на Руси. Это, во-первых, российская правовая традиция династического престолонаследия и, во-вторых, исторически сложившееся, в том числе, и под ее влиянием, княжеское право наследственного обладания вотчинными землями, предполагавшее их передачу «по праву отчины и дедины»². Впоследствии это право трансформировалось в царское право обладания государственной территорией Московского царства, а затем и Российской империи.

Утвердившиеся под их влиянием народные представления о неисчерпаемой полноте прав русского государя³, полученных им по Божественному установлению, как о неотъемлемом свойстве принадлежавшей ему верховной власти при соответствующей ей форме правления, воспринимались в качестве естественных традиционных ценностей. С конца IX в. и до начала XX в. их влияние постоянно ощущалось на всем пути эволюционного движения российской государственности. При этом, совершенствование формы правления шло рука об руку с развитием российской правовой традиции династического престолонаследия, которая способствовала созданию стабильного и жестко детерминированного порядка преемства верховной власти с ее очевидным единоличным

¹ Bassin M. Geographies of imperial identity// Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 51.

² Сергиевич В.И. Древности русского права. Т. 2. М., 2007. С. 50.

³ Черняев Н.И. Необходимость Самодержавия для России, природа и значение монархических начал. Этюды, статьи и заметки. Харьков, 1901. С. 22.

содержанием, юридически неограниченной волей правящего государя и его непревзойденным царским верховенством.

Непосредственным результатом этой тесной, неразрывной и длительной связи стало появление на свет двух форм правления – княжеского единовластия, которое просуществовало до середины XVI в., и сменившего его царского самодержавия, развитие которого было насильственно прекращено 2 (15) марта 1917 г.

Возникновение княжеского единовластия в Древнерусском государстве и его развитие в удельный период

Княжеское единовластие в Древнерусском государстве и в удельный период представляло собой форму правления, при которой организация верховной власти и ее осуществление оставалась в основном прерогативой наследственного русского князя. В своем развитии княжеское единовластие прошло три стадии. Сначала это была организация верховной власти, которая осуществлялась князем совместно с вечаем, при его совете с дружиной, и доминирующей роли князя в целом ряде областей государственной жизни. Затем, во второй и в третьей стадии, то есть, в удельный период и во время существования Московского государства, верховная власть осуществлялась князем все более и более единолично вплоть до фактического освобождения Руси от татаро-монгольского ига в конце XV в., но с различной степенью юридической неограниченности.

Первоначально, княжеское единовластие представляло собой симбиоз княжеской и вечевой власти при отсутствии коренных различий в их интересах между князем и общиной¹, но при разделении их компетенции и полномочий. При этом, «Русскую государственность представлял изначально князь...он образовывал на верхней ступени как бы бинарную систему политической власти...вся ее полнота могла принадлежать только земле, с народом которой князь заключал договор»². Вече решало судьбу княжеского стола, устанавливало пределы прав призванного князя, определяемых с ним договором («рядом»), вопросы войны и мира³. Вечевые собрания, особенно XII в., действовали «с полным сознанием своих возможностей, ставя вечевою волю выше права князей, претендовавших на киевский стол согласно принципам родового старейшинства или принятого недавно на Любечском съезде порядка «отчинного» наследия княжений»⁴.

В то же время, князья сами активно участвовали в вечевых собраниях, оказывая на его решения существенное влияние. Более того. В перерывах между вечевыми собраниями в городах-государствах Древней Руси князья

¹ Алексеев Ю.Г. За отечество свое стоятель // Фроянов И.Я. Начала русской истории. М., 2001. С. 12-13.

² Щербинин А.И. Государь и гражданин // Полис. 1997. № 2. С. 159.

³ Сергеевич В.И. Вече и Князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867. С. 67-85.

⁴ Фроянов И.Я. Древняя Русь IX-XIII веков. М., 2012/7520. С. 169.

фактически и юридически самостоятельно решали широкий круг задач административного управления волостью, осуществляли налогово-финансовые функции, а также судебную власть. Как пояснял А.Е. Пресняков, споря с теми исследователями, которые однозначно утверждали, что верховная власть в древнерусском государстве принадлежала исключительно вече, вече «...не могло уступить князю того, чего само никогда в своих руках не держало»¹. Налицо был дуализм верховной власти при единоличном участии князя в области ее осуществления и его значительном участии в ее организации, что временно тормозило развитие княжеского единодержавия во всей его полноте, частично ограничивая княжеское верховенство.

Разделение русской земли по «ряду Ярослава» привело к тому, что княжеское единодержавие в наследственных вотчинах становилось все более востребованной формой правления. На принадлежавшей князю территории вотчины, не зависимо от ее размера, он был ее единоличным обладателем и государем. С возникновением права ее завещательного преемства, многие князья, по мере возможности, предпочитали оставлять верховную власть и земли вотчины своим сыновьям, а не братьям, сохраняя право наследования вотчины в своей семейной линии, хотя традиция противоположного плана еще долго была господствующей².

Преемство княжеского стола по нисходящей мужской линии вступило в конкуренцию с правом родового старейшинства, устанавливаемого, как пишет теолог Торонтского университета М. Димник, генеалогическим старшинством³. Интерес русских князей в праве на преемство верховной власти всегда все больше оказывался связанным с созданием такой системы престолонаследия и такой формы правления, которые позволили бы им добиться гарантированной передачи княжеского стола с правами наследственного вотчинного владения своим прямым потомкам. В результате генезис российской государственности в части формирования новых представлений о порядке наследования княжеских столов был отмечен постепенным отказом от их преемства в порядке родового старейшинства и переходом к их наследственной передаче по праву первородства по нисходящей мужской линии. Взаимосвязь между развитием княжеского единодержавия и российской правовой традицией династического престолонаследия, формировавшей порядок преемства верховной власти на основе принципа агнатского первородства, становилась все более очевидной.

Ориентация верховной власти на ее преемство по принципу агнатского первородства, усиливавшего наследственную единоличную власть правящего

¹ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X-XII столетий. М., 1993. С. 428.

² Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Книга четвертая. В 6-ти томах. Т. I. СПб., 1784. С. 40.

³ Dimnik M. The Rus' principalities (1125–1246) // The Cambridge history of Russia. Vol.1. From Early Rus' to 1689. University of Birmingham. Cambridge university press. 2006. С. 98.

князя, была поддержана русской православной Церковью. Установление княжеского единодержавия, осуществляемого русским государем, полностью соответствовало христианскому учению о царской власти как Богоданной, единоличной, неограниченной и передающейся по наследству от отца к старшему сыну¹. В условиях высокой степени религиозности древнерусского общества такая форма правления воспринималась всеми его слоями как естественное состояние организации и осуществления верховной власти, установленной по Божьей воле.

Обстоятельства, которые сопровождали период дробления Руси на многочисленные и различные по своему политико-экономическому значению и размеру вотчинной территории княжеские владения, в целом, не ослабили, а укрепили права удельного правителя на осуществление им единоличной власти, который неразрывно совмещал право землевладения с правом государственного правления. Ордынское владычество не изменило правовую природу верховной власти правящего государя и установленную в русских княжествах форму правления. Княжеское единодержавие лишь получило дополнительные внешние ограничения. Выдавая ханские ярлыки, азиатские завоеватели сохраняли право назначенных на великое княжение русских государей на выбор формы правления, поскольку их много больше интересовало собирание дани в подчиненных землях. При этом, ханская воля сделала князя более независимым в делах внутреннего управления от народного собрания, утратившего право распоряжаться княжеским столом². Общинно-вечевой элемент русской государственности постепенно сходил с политической сцены.

Другой причиной, вызвавшей к жизни единодержавие, было княжеское право, совмещавшее в себе одновременно право вотчинного землевладения с правом государственного правления в пределах территории, полученной по наследству. Этот вид права возник еще в Древнерусском государстве, в основе социально-экономической жизни которого «лежала не частная земельная собственность, а землевладение свободных крестьян-общинников»³. Общинный характер землепользования, практиковавшийся ими, вполне укладывался в церковное вероучение и был его следствием, получившим отражение в обычном праве, а позднее, и в законодательстве. Его мировоззренческая идея заключалась в том, что Господь создал землю для заселившего ее народа по Его воле, но принадлежит эта земля ее Создателю. Право собственности на землю в связи таким пониманием ее статуса долгое время воспринималось на Руси как умозрительное, не существовавшее ни в действительности, и в том смысле, в каком оно было

¹ См.: Филарет Московский (Дроздов) Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных: мысли, вкратце извлеченныя из проповедей Филарета, митрополита Московскаго / собрал Порфирий Кременецкий. М., 1888. – 51 с.

² Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 31.

³ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономических отношений. Л., 1974. С. 99.

присуще Западной Европе раннего средневековья¹. Никто кроме Бога не мог являться ее собственником, люди лишь временно владели какой-то частью земли и пользовались ею. Сохранению этого взгляда длительное время способствовало то, что громадная территория русского государства с его богатыми земельными угодьями не ограничивала возможности свободного перехода земледельца от утратившего плодородие земельного участка на другое более благоприятное место, и его правовое закрепления за владельцем не имело практического смысла. Не существовало и рабовладельческого права, которое могло бы затруднить или полностью запретить смену места жительства и хозяина. В то же время, князь, как правитель и одновременно наследственный вотчинный обладатель, мог распоряжаться ею по своему усмотрению, но с ограничениями, которые накладывали на него родовые отношения. Однако, частным собственником этой земли, тем более, в его принятом сегодня смысле, он не был.

С созданием централизованного Московского государства право обладания землями, вошедшими в его состав, осталось за великим князем. Возникло и право частной собственности на землю, которое носило выборочный, очень ограниченный и формальный характер. Ее появление относится к началу XV в., а круг обладателей ограничивался владельцами наследственных вотчинных земель. Их юридические права полностью находились в зависимости от верховной воли государя, имевшего над наследственными вотчинниками мало в чем умягчаемое фактическое господство. Применявшиеся великим князем меры государственного принуждения привели к тому, что в XV в. – начале XVI в. наблюдался процесс уменьшения объема прав вотчинников, то есть, шло не расширение прав частной собственности на землю, а намеренное торможение этого процесса, рост зависимости землевладельцев от верховного правообладателя. Такое положение служило усилению его единоличной власти и расцвету княжеского единодержавия, ограниченного лишь ослабевающим давлением остатков орды.

Однако, прежде чем монархическая форма правления была воспринята и установлена на Руси в середине XVI в. Московское государство должно было добиться юридического суверенитета, сопровождающегося политической независимостью от внешних сил и собственным фактическим могуществом. Тогда верховная власть великого князя могла приобрести юридическую неограниченность в полном смысле этого слова и стать необходимым условием для установления монархической формы правления. Это удалось сделать Ивану III уже после «стояния на Угре» в 1480 г., когда в начале XVI в. в шертной грамоте Крымского хана Мухаммед-Гирея появилась статья, упразднившая должности дараг и дарагские пошрины². Освобождение от ордынского влияния открыло дорогу к установлению в средневековой Руси новой формы правления – царского самодержавия,

¹ Pipes R. Property and Freedom. Alfred A. Knopf, New York, 1999. С. 208.

²Хорошевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. М., 2001. С. 193.

пришедшей на смену ограниченной личной верховной власти великого князя и обладателя землями Московского государства.

Правовая самобытность царского самодержавия российских государей как наследственной формы правления

Царское самодержавие было уникальным правовым явлением российской государственности. Это была форма правления, при которой юридически неограниченная и неделимая верховная власть вступившего на Престол монарха принадлежала наследственному русскому государю, воспринявшему царский сан, – особе священной и неприкосновенной, династическому обладателю государственной территории. Его развитие и сохранение в течение 370 лет с середины XVI в. до начала XX в. было обусловлено несколькими взаимосвязанными факторами среди которых были как те же, которые способствовали возникновению и развитию княжеского единодержавия, так и другие, востребованность которых была обусловлена новой исторической ситуацией.

Дело в том, что у русских князей отсутствовало царское достоинство, которое было бы равным королевскому достоинству западноевропейских монархов, ханских владык и византийских басилевсов. Приобрести его можно было через церковный чин венчания на царство. Его совершение над Иваном IV в 1547 г., послужило формальной точкой отсчета для возникновения новой формы правления. Для установления царского самодержавия венчание на царство имело двойной смысл. С одной стороны, этот церковный чин указывал на неземной источник власти русского государя. В результате, любое правовое веления монарха в глазах царских подданных приобретало особую юридическую императивность как богоугодное дело. С другой стороны, венчание и миропомазание устанавливало его исключительный государственно-канонический правовой статус с правами и прерогативами особы священной и неприкосновенной, за которой признавался царский сан как внутри государства, так и на международном уровне в лице иерархов Православной Восточной Церкви¹ и зарубежных монархов.

Важным фактором развития царского самодержавия, обнаруживающим его уникальность, было наличие у российского монарха полученного от его предков наследственного права на обладание государственной территорией Московского царства, о чем частично уже шла речь в отношении предыдущего периода развития отечественного государства. Продолжая правовую политику своих предшественников по усилению единодержавия, указом от 15 января 1562 года Иван IV ограничил земельные права княжат, уравнивая их с правами поместного дворянства². Им устанавливался ряд

¹ Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сань царя за Великимъ Княземъ Иоанномъ IV Васильевичемъ, 1561 года. М., 1850. С. 3.

² Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1980. С. 78.

ограничений на отчуждения вотчины, часть из которых имела обратную силу¹. Всем служилым князьям запрещалось продавать, менять и давать «в приданые» их вотчины под угрозой конфискации отчуждаемой земли. В случае отсутствия прямых наследников мужского пола княжеские вотчины поступали в распоряжение государства. Такая же судьба ждала выморочные земли бояр², не оставивших после себя письменного завещания. То есть, если раньше выморочные земли отходили к Церкви, то теперь к государству. Права на земли, приобретенные после указа 1551 г., подлежали специальному рассмотрению, также как и земельные права наследников – братьев и племянников наследодателя³.

Последовавшие шаги политического и законодательного характера, сопровождавшиеся репрессивными мерами государственного принуждения, прежде всего, в отношении лиц, причастных к боярскому правлению⁴, привели к установлению «Государевой опричнины» периода 1565- 1572 гг. Будучи продолжением государственных реформ, проведенных в Московском царстве (1549-1560 гг.) в области центрального (верховного) и местного (земского) управления, военного строительства, суда и церковной жизни, государственная политика середины XVI в. по упрочению правовых основ наследственного царского самодержавия, предусматривала передел земельной собственности, подтверждавший царское наследственное право обладания государственной территорией. Все виды земельного владения оказались под постоянным законодательным контролем, что было обязательным условием успеха в борьбе за будущее Московского царства как единого и неделимого, находящегося под верховной и юридически неограниченной властью самодержавного монарха.

Обладатель верховной власти, который не контролировал процесс землевладения и землепользования как основной источник материального могущества средневекового русского государства, не мог существовать как независимый субъект права, устанавливавший единоличный порядок правления. Неудивительно, что при таких обстоятельствах потребовалась физическая замена правообладателей крупных земельных наделов и смена правового статуса землевладельцев путем «перебора» земель, ломки сложившегося старинного землевладения, «выводом» старых и «испомещением» новых государевых слуг⁵. Права на земельные угодья, принадлежавшие представителям древних боярских родов, дававших им лучшие доходы и придававшие им существенный политический вес, были переданы служилым людям. В результате опричнины, опасность

¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. С. 55-56.

² Бибииков Г.Н. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного // Тр. Гос. Ист. музея. М., 1941. Вып. 14. Сб. статей по истории СССР XVI–XVII вв. С. 19.

³ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 477.

⁴ Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 177.

⁵ Там же. С. 25.

вмешательства в государственные решения верховной власти со стороны бывших владетельных князей и старого родовитого боярства стала практически незаметной.

Не были исключением из правила и выросшие в своих размерах монастырские земли. Часть из них отошла «на государя», хотя изначально они были переданы монастырям в качестве вклада или были им проданы. Права на самостоятельные сделки с землей у монастырей были отобраны и осуществлялись только с разрешения государя¹, что было законодательно установлено в положениях Утвержденной грамоты церковного («Освященного») собора о запрещении митрополиту, владыкам (архиепископам и епископам) и монастырям приобретать частновладельческие земли путем покупки, вкладов "на помин души" и закладов, об отмене права выкупа из монастырей вотчин, перешедших к ним до 15 января 1580 г.

Теперь царствующий монарх – наследственный обладатель и одновременно великий государь – располагал неограниченной юрисдикцией безответственного монарха, распространявшейся на всю территорию «Русского царствия», со «всей безусловностью владельческих прав»², которые принадлежали ему одновременно и как «политическому владельцу»³ и как единоличному хозяину, делая его власть верховной и самодержавной, юридически неограниченной. Со времени окончания опричнины и государственных реформ Ивана IV в целом, царское самодержавие русских государей получило не только свое формальное, но и практическое воплощение. Впоследствии право обладания государственной территорией как исключительное наследственное династическое право российских царей и императоров было закреплено во всех их титулах вместе с перечислением земель⁴, входивших в состав единого и нераздельного став важнейшей правовой основой царского самодержавия, поддерживавшего единство и неделимость российского государства⁵.

Не менее существенным фактором, имеющим еще неоцененное по достоинству юридическое значение в укреплении царского самодержавия, было введение в действие Акта о престолонаследии 1797 г.⁶, продолжившего российскую правовую традицию династического престолонаследия на законодательном уровне. Этот Акт закрепил «юридическую и

¹ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 93.

² Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2007. С. 207.

³ Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. СПб., 2002. С. 276.

⁴ Именной царский указ «О титулах царском и государевой печати» // ПСЗ РИ. Собр. первое. Т. I. № 421. С. 735.

⁵ СЗ РИ (1912) ОГЗ РИ в ред. 1906. Ст. 1. С.1.

⁶ Акт, Высочайше утвержденный в день Священной Коронации Его Императорского Величества, и положенный для хранилища на престол Успенского Собора от 5 апреля 1797 г. // ПСЗ-1. Т. XXIV. С. 587-589.

символическую основу династической монархии»¹ и зафиксировал принцип преимущественного агнатского престолонаследия, предусматривавшего право восприятия верховной власти по праву первородства по нисходящей мужской линии в сочетании с правом субсидиарного когнатского престолонаследия при пресечении всех мужских линий царствующего монарха. Такой порядок российского престолонаследия нормативно установил не только родовое право Романовых на российский престол, но и предопределил неизменность формы правления в Российской империи. Согласно его нормам, достигший совершеннолетия наследник престола², а затем занявший его монарх приносили клятву о соблюдении в неизменном виде закона о престолонаследии³, который определял порядок преемства царского престола, а с ним и царской власти российского монарха с присущей ей формой правления. Так, законодательным путем царское самодержавие превращалось в наследственную и неизменную форму правления. Политические последствия этого закона имели самую положительную динамику в отношении стабилизации государственной жизни Российской империи.

II. Замечания относительно современной концепции периодизации отечественного государства и права

Принятые в современном научном обороте представления о периодизации истории отечественного государства, заимствованные из советского прошлого, явно не учитывают оригинальности правового опыта российской государственности, вольно или невольно нивелируя ее богатейшее цивилизационно-культурное наследие. Отказавшись от таких представлений можно увидеть, что сословно-представительной монархии как формы правления, наличие которой обычно соотносится с серединой XVI в. – концом XVII в., фактически и не существовало. Пора признать, что юридически значимых доказательств ее установления никто так и не привел, а идеологические причины ее настойчивого поиска уже два десятка лет как утратили обязательную для историко-правовых исследований актуальность. Аналогичные выводы следуют при изучении периода российской государственности конца XVII в. – начала XX в., который называют абсолютной монархией, а также времени после 23 апреля 1905 г., когда форму правления в России зачастую ошибочно характеризуют как конституционную при самых разнообразных вариантах ее именовании.

¹ Wortman R. The Russian Imperial Family as Symbol // Imperial Russia: New Histories for the Empire. Ed. by Jane Burbank, David L. Ransel. Indiana University press. 1998. P. 63.

² Манифест от 22 апреля 1834 г. «О совершеннолетию Его Императорского Величества Наследника, Цесаревича и Великого князя Александра Николаевича»// ПСЗ-2. Т. IX. С. 318.

³ СЗ РИ (1912) ОГЗ РИ в ред. 1906. Ст. 9. С. 1.

Земские соборы как органы царской власти российского монарха

В системе царской власти российского монарха, начало становления которой относится ко второй половине XVI в., земские соборы занимали особое место, но самостоятельными органами законодательной власти в российском государстве, в действительности никогда не были. На выбор формы правления они, если и влияли, то только с точки зрения политической поддержки наследственного царского самодержавия¹. По сути, земские соборы представляли собой «совет всея земли»², причем с различной степенью неопределенной компетенции³. Они были временными учреждениями царской власти российского монарха, участвовавшими в выработке решений общегосударственного значения с законосовещательной функцией. Никакого выборного народного представительства они не знали. Лица, вызываемые для участия в работах соборов были заранее известны и принадлежали в основном представителям от бояр, духовенства, служивого сословия, а решения соборов утверждались или отвергались царем по его личному усмотрению⁴. Уже эти обстоятельства исключают основания полагать, что земские соборы были неким вариантом демократического представительного органа законодательной власти.

Исключение относительно участия царя в работе соборов и утверждения их результатов составили лишь два из них. Это собор 1589 г., утвердивший право на Престол Бориса Годунова и собор 1613 г., когда по окончании Смутного времени в результате «государственного обирания царя на русское царствие» было восстановлено наследственное самодержавие русских государей как изволение Божие, и не как акт народной воли⁵. То есть, земский собор возвратился к уже привычной и присущей отечественному государству самодержавной форме правления, которую посчитал единственно приемлемой. Понятно, что подобного рода форму правления нельзя считать сословно-представительной монархией, ограничивавшей самодержавие царской власти. Сама идея ее юридического ограничения была попросту чужда «огромному большинству тогдашнего общества»⁶, хотя «в некоторых случаях, – как верно отмечает Р. Бендикс, – царское правительство должно было идти на уступки боярам, среднему

¹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. Учебник для вузов по специальности "Историко-архивоведение". 2-е изд., исправленное и дополненное. М., 1968. С. 48.

² Платонов С.Ф. К истории московских земских соборов. СПб., 1905. С. 3.

³ Черепнин Л.В. К вопросу о складывании сословно-представительной монархии в России (XVI в.)// История СССР. 1974. № 5. С. 56.

⁴ Стратонов И.А. Заметки по истории земских соборов Московской Руси. Казань, 1905. С. 114.

⁵ Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 336.

⁶ Там же.

классу службы и стрельцам»¹, но думать о об этом как «об оппозиции в конституционных терминах»², не следует.

Лишь участники «Избранной рады» и их апологеты были ориентированы иначе, стремились к изменению формы правления с пересадкой на русскую почву политической системы, аналогичной той, которая действовала в соседнем Польско-Литовском государстве³ при сохранении родовых удельных прав на отчуждение и завещание вотчин⁴, что вело к ограничению власти монарха, и более того, к раздроблению государства.⁵

Мнимый абсолютизм российской государственности

Идея о существовании абсолютной монархии, искусственным образом встроенная в историю российской государственности в ее советский период ради доказательства унификации общественного развития, никак не соответствовала той уникальной форме правления в России, которая имеет самостоятельную историю и многовековой правовой опыт наследственного и единоличного государственного правления. Ни один западноевропейский монарх не располагал безусловным наследственным правом на обладание всей государственной территории какое имел русский самодержец, не обладал, соответственно, и таким высоким фактическим уровнем юридической неограниченности как Московский царь и Всероссийский император, что нашло свое отражение в законодательстве. Любые договоры о разделе власти между царственной особой, вступившей на российский престол, и его подданными практически исключались. Князь и царь, как пишет Н.А. Захаров, смотрели на свое княжество и царство как на свою родовую собственность⁶. Какие-либо сословные правовые гарантии в России могли быть получены и получались только из рук самодержца, который мог их отозвать или изменить их характер, объем и круг лиц, на который они распространялись. Сравнение правовой природы царской власти российского монарха и европейских государей, показывает насколько они исторически и юридически различны. В вопросе ограничения верховной власти это обстоятельство не менее заметно, чем в отношении наследственного права на безраздельное обладание всей государственной территорией, которого у европейских королей никогда не было.

¹ [Bendix](#) R. Kings Or People: Power and the Mandate to Rule. University of California Press, 1980. P. 127.

² Ibid.

³ Фроянов И.Я. Драма русской истории. М., 2007. С. 823.

⁴ Платонов С. Ф. Смутное время. СПб., 2001. С. 107 – 108.

⁵ Бахрушин С. В. Иван Грозный. М., 1945. С. 80.

⁶ Захаров Н.А. Система государственной власти. М., 2002. С. 15.

Даже в образце западноевропейского абсолютизма – во Франции, верховная власть короля была ограничена¹. Здесь «в наибольшей степени было реализовано одно из условий формирования абсолютизма, которое заключалось в том, что правитель должен целиком отделить себя от общества и при этом опираться на учрежденные им самим и внедренные в это общество органы»². То есть, вместо патерналистского единения российского царя с народом, своего рода хозяина дома – всероссийской вотчины – с его домочадцами-царскими подданными, достижение абсолютной верховной власти короля осуществлялось за счет договора с местными феодальными группировками «в собственных целях в обмен на расточаемые им милости»³. Отсюда вытекает очевидное различие правовой природы царского самодержавия российских государей и верховной власти западноевропейских монархов, которую принято называть абсолютной, а форму правления абсолютной монархией.

Аналогична ситуация складывалась в Англии, поскольку «подразумевалось, что в слиянии с полномочиями парламента королевская власть является высшей»⁴. Как отмечает британский ученый Н. Хеншел, права королей «были абсолютными, когда осуществляли свои обширные прерогативы, и ограниченными, когда вели переговоры с подданными об их правах»⁵. В Испании верховная власть короля в различное время и в различной степени была ограничена хартиями (фуэрос) феодальных вольностей отдельных провинций, отдельных сословий и фамилий, муниципальных образований. Лишь в объединенной Испании они утратили свою юридическую силу⁶. Что касается Священной Римской Империи, то Рейхстаг представлял собой «конгресс послов», который на практике был не способен принимать законы⁷, а такие «сильные государства, такие как Австрия или Пруссия, безнаказанно игнорировали или обходили императора и имперский парламент»⁸.

¹Иванов В. В. Формы правления и политического режима. В поисках нового содержания. Логос, 2008. С. 130. Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/logos_06_2008/6.pdf.

² Henshall Nicholas. The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy London: Longman, 1992. 245 p. Режим доступа: http://royallib.com/read/henshall_nikolas/mif_absolyutizma_peremeni_i_preemstvennost_v_razvitiy_zapadnoevropeyskoy_monarhii_rannego_novogo_vremeni.html#0

³ Ibid.

⁴ Томсинов В.А. Государственный строй Англии накануне революции 1640 – 1660 гг. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2006. № 3. С. 13.

⁵Henshall Nicholas. The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy London: Longman, 1992. - 245 p. Режим доступа: http://royallib.com/read/henshall_nikolas/mif_absolyutizma_peremeni_i_preemstvennost_v_razvitiy_zapadnoevropeyskoy_monarhii_rannego_novogo_vremeni.html#0

⁶ См.: Пискорский В. К. История Испании и Португалии. СПб, 1909. Кудрявцев А. Е. Испания в средние века. Л., 1937. Пичугина И. С. О положении крестьянства Леона и Кастилии XII – XIII веков // Сб. «Средние века». Вып. 21. М, 1962.

⁷ Bendix R. Kings Or People: Power and the Mandate to Rule. University of California Press, 1980. P. 379.

⁸ Ibid, p. 380.

Исследуя формы правления в западноевропейских государствах, некоторые ученые еще в конце второй половины XX в., с одной стороны, отмечали, что в «новейшей буржуазной историографии все более выступает тенденция отождествлять абсолютную монархию с современным конституционным государством»¹.

Советские ученые, изучая верховную власть в дореволюционной России, неоднократно обращались к сравнению абсолютизма и самодержавия на основе классовой теории с целью доказательства преимуществ формационной теории общественного развития, но успеха не добились. Правовая природа царской власти российского монарха и содержание присущей ей формы правления – царского самодержавия – осталась не выясненными. Эта проблема не нашла своего разрешения и сегодня². Иначе говоря, ни сам заимствованный из-за рубежа термин «абсолютизм», ни производное от него понятие «абсолютная монархия» как форма правления, будто бы сменившая в России сословно-представительную монархию, не несут в себе соответствующих признаков и не отражают того пути развития российской государственности, которым она шла на протяжении почти тысячи лет своего существования.

Самодержавие начала XX в.

Якобы произошедший переход к конституционной монархии в начале XX в., также как и средневековая сословно-конституционная монархия, остается лишь умозрительным пожеланием, притом, что конституция в ее материальном смысле, в виде установившейся системы законодательства, но не как основной закон, главенствующий над монархом, была присуща России и до Манифеста 17 октября 1907 г.³

Включение в систему царской власти нового законосовещательного элемента – Государственной Думы в дополнении к уже существовавшему Государственному Совету, а также Святейшему Правительствующему Синоду РПЦ представляло собой развитие идеи трехсоставного соборного присутствия более чем трехсотлетней давности. По сути, в начале XX в. был воспроизведен существовавший ранее состав прежних земских соборов XVI-XVII вв. в его более современном виде. Своего рода аналогом Боярской думы стал Государственный Совет, который с 20 февраля 1906 г. был реструктурирован и облечен правом на участие в законотворчестве⁴. На постоянной основе продолжал свою работу Святейший Синод, прототипом

¹ Стратонов И.А. Заметки по истории земских соборов Московской Руси / И.А. Стратонов. Казань, 1905. С. 135.

² Ляхович Л.В. Проблема абсолютизма в постсоветской историографии: понятийный и терминологический аспекты // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 73.

³ Захаров Н.А. Система русского государственного права. М., 2002. С. 150-151.

⁴ Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы от 20 февраля 1906 года // ПСЗ-3. Т. XXV. Отделение 1-е. Ст. 26656. С. 637- 638.

которого был Освященный Собор, ранее действовавший в составе земских соборов на временной основе¹. Создание Государственной Думы, очевидно, должно было представлять собой воспроизведение обычной третьей составной части земского собора – выборных от «всех земель», имея в виду, что «те формы представительства, которые были полезны в 17 столетии, – как писал И.И. Дитятин в отношении развития в управлении Московского государства, – едва ли будут таковыми два столетия спустя, но с изменением форм, их негодностью, едва ли становится негодной самая сущность»².

Новая система власти с участием народного представительства должна была действовать в интересах верховной самодержавной власти, не меняя существовавшей формы правления и не ограничивая царское верховенство. Правда, практика осуществления этой идеи была крайне неоднозначной и встречала серьезное сопротивление со стороны апологетов установления конституционного правления в России. Это обстоятельство привело многих исследователей к преждевременной оценке изменений в порядке принятия законов как к фактическому ограничению царской власти российского монарха и изменению формы правления в Российской империи на конституционно-монархическую. Причем в самых различных ее вариантах, что свидетельствовало не столько о различиях в оценках произошедших перемен, сколько об устранении от исследования правовой природы царской власти российского монарха, оставшейся в прежнем виде, а также об отказе от взвешенного изучения правоприменительной практики в реализации реформ начала XX в., которая демонстрировала неизменность принципов самодержавного правления, неограниченные возможности верховной власти российского монарха в применении его исключительных прав³, в случаях, когда требовалось принятие незамедлительных мер законодательного реагирования.

Введение в законодательный процесс представителей от народа в начале XX в. в Российской империи не изменило ни формы правления, ни ее основы – правовой природы царской власти российского монарха, что было подтверждено законом. В силу ст. 4 ОГЗ 1906 г. Император Всероссийский сохранил безраздельно принадлежавшую ему верховную самодержавную власть, а вместе с ней и право самостоятельно законодательствовать, издавая нормативные государственные акты любого уровня по своему усмотрению без учета мнений Государственной Думы и Государственного Совета, чем неоднократно пользовался. Вполне понятно, что при таком положении вещей оценить произошедшие в начале XX в. усовершенствования системы царской

¹ Каптерев Н.Ф. Царь и церковные московские соборы XVI-XVII столетий. М., 2012. С. 48-49. Лихницкий И.М. Освященный собор в Москве в XVI-XVII веках // Христианское чтение, 1906, № 5 С. 716-734. Режим доступа: <http://christian-reading.info/data/1906/05/1906-05-05.pdf>

² Дитятин И.И. Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства. Ростов н/Д., 1905. С. 46.

³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб, 1993. С. 396.

власти российского монарха как признак принципиального изменения формы правления, не представляется возможным.

Заключение

Выбору русскими государями формы правления, их установлению и развитию способствовало несколько взаимосвязанных факторов. Среди них, глубоко укоренившееся в сознании русского народа христианское учение о царской власти, которое стало мировоззренческой основой его монархического правосознания, а также российская правовая традиция династического престолонаследия с ее доминирующим принципом единоличного наследственного преемства верховной власти по нисходящей мужской линии по праву первородства. Важнейшую роль в установлении традиционных для России двух форм правления – княжеского единодержавия и царского самодержавия – сыграло исторически сложившееся княжеское, а позже царское право наследственного обладания вотчинными землями, впоследствии преобразованное в право наследственного обладания государственной территорией Московского царства и Российской империи. Это право положило основание самодержавию как фундаментальному свойству правовой природы царской власти российского монарха наряду с ее юридической неограниченностью, царским верховенством и священностью, став важнейшим условием сохранения царского самодержавия. Различия политических режимов, характерных для царствования сменявших друг друга на российском престоле монархов, не отразились ни на правовой природе царской власти, ни на присущей ей наследственной форме правления, которая просуществовала в неизменном виде до 2(15) марта 1917 г.

Вполне понятно, что дальнейшее изучение форм правления, органически присущих российской государственности, потребует более глубоких юридических исследований, в том числе в областях, которые являются по отношению к юриспруденции смежными дисциплинами. В этом отношении, социокультурный и цивилизационно-культурный подходы, еще только приоткрывающие свои научные ресурсы, дают надежду на то, что у юристов, изучающих проблемы периодизации истории отечественного государства и права, есть перспективы плодотворной научной работы.

Библиографический список

1. Алексеев Ю.Г. За отечество свое стоятель // Фроянов И.Я. Начала русской истории. – М.: Издательский дом «Парад», 2001. – 976 с.
2. Бахрушин С. В. Иван Грозный. – М.: Госполитиздат.Тип. «Красный пролетарий», 1945. – 100 с.
3. Бибиков Г.Н. К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного // Тр. Гос. Ист. музея. М., 1941. Вып. 14. Сб. статей по истории СССР XVI–XVII вв. С. 19 – 27.

4. Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. – М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, Образцовая типография, 1947. – 496 с.
5. Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление (философско-антропологическая концепция). – Дисс. ... д-р юрид. наук. Ставрополь, 2013. – 406 с.
6. Дитятин И.И. Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства. – Ростов н/Д: Донская речь, 1905. – 47 с.
7. Дом Романовых в истории России. – СПб.: Санкт-Петербургский университет, 1995. – 336 с.
8. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. Учебник для вузов по специальности "Историко-архивоведение". 2-е изд., исправленное и дополненное. – М.: Высшая школа, 1968. – 368 с.
9. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI - первой половины XVII века. – Л.: Наука, 1986. – 261 с.
10. Захаров Н.А. Система государственной власти. – М.: Москва, 2002. – 400 с.
11. Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 511 с.
12. Иванов В. В. Формы правления и политического режима: в поисках нового содержания. Логос, 2008. С. 130. Режим доступа: http://www.intelros.ru/pdf/logos_06_2008/6.pdf
13. Ильин И.А. О монархии и республике // Собр.соч. Т. IV. – М., 1994. – 620 с.
14. Ионин Л.Г. Социология культуры: Учебное пособие. – М.: Логос, 1996. – 280 с.
15. Каптерев Н.Ф. Царь и церковные московские соборы XVI-XVII столетий. – Ленанд, 2015. – 128 с.
16. [Кудрявцев А. Е.](#) Испания в средние века. – Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 250 с.
17. Лихницкий И.М. Освященный собор В Москве в XVI-XVII веках // Христианское чтение, 1906. № 5. С. 716-734.
18. Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. СПб: Издательство «Лань», 2002. – 480 с.
19. Ляхович Л.В. Проблема абсолютизма в постсоветской историографии: понятийный и терминологический аспекты // Диалог со временем. 2014. Вып. 48. С. 59-75.
20. Малько Е.С. Язык как социокультурный феномен: постановка проблемы // Теория и практика общественного развития, 2012. № 6. С.18-22.
21. Немытина М.В. Сравнительно-правовые исследования и типология правовой культуры // [Вестник РУДН](#), № 4. 2013. С. 166-173.
22. Немытина М.В. Цивилизационно-культурный подход в правоведении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). С. 28 – 40.
23. [Пискорский В. К.](#) История Испании и Португалии. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1909. – 278 с.
24. Пичугина И. С. О положении крестьянства Леона и Кастилии XII –XIII веков // Сб. «Средние века». Вып. 21. М., 1962. С. 49-60.
25. Платонов С.Ф. К истории московских земских соборов. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905. – 68 с.
26. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. М.: ООО «Фирма СТД», 2007. – 832 с.
27. Платонов С. Ф. Смутное время. СПб.: Лань, 2001. – 460 с.
28. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X-XII столетий. М.: Наука, 1993. – 632 с.
29. Пресняков М.В. К вопросу о социокультурном подходе к праву // Вестник СГА. № 4 (93). 2013. С. 157 – 160.

30. Сергеевич В.И. Вече и Князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М.: тип. А.И. Мамонтова, 1867. – 426 с.
31. Сергиевич В.И. Древности русского права. Т. 2. М.: ГПИБ России, 2007. – 595 с.
32. Сигалов К.Е. Система оснований периодизации в отечественной и зарубежной правовой мысли // Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву. М., РУДН, 2015. С. 194 – 199.
33. Сикорский И.А. Черты психологии славян // Русская расовая теория до 1917 года. Вып. 1. М.: «ФЭРИ-В», 2002. С. 219-228.
34. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. – М.: Наука, 1980. – 247 с.
35. Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сань царя за Великимъ Княземъ Иоанномъ IV Васильевичемъ, 1561 года. – М., 1850. – 56 с.
36. Стратонов И.А. Заметки по истории земских соборов Московской Руси. Казань: Типо-Литография Имп. ун-та, 1905. – 162 с.
37. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Книга четвертая. В 6-ти томах. Т. I. СПб.: Тип. Вейтбрехта, 1784. – 595 с.
38. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – СПб, 1993. – 674 с.
39. Томсинов В.А. Государственный строй Англии накануне революции 1640 – 1660 гг. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2006. № 3. С. 13.
40. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма, Инфра-М, 2010. – 547 с.
41. Филарет Московский (Дроздов) Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных: мысли, вкратце извлеченныя из проповедей Филарета, митрополита Московскаго / собрал Порфирий Кременецкий. М.: Издание Афонскаго рус. Пантелеимонова монастыря, 1888. – 51 с.
42. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М.: АО «Молодая гвардия». 1999. – 401 с.
43. Фроянов И.Я. Драма русской истории. М., Парад, 2007. – 952 с.
44. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономических отношений. Л., 1974. – 243 с.
45. Фроянов И.Я. Древняя Русь IX-XIII веков. М.: Русский издательский центр, 2012/7520. – 1088 с.
46. Хорошевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. М.: Едиториал, 2001. – 336 с.
47. Черепнин Л.В. К вопросу о складывании сословно-представительной монархии в России (XVI в.) // История СССР. 1974. № 5. С. 51-70.
48. Черняев Н.И. Необходимость Самодержавия для России, природа и значение монархических начал. Этюды, статьи и заметки. Харьков, 1901. – 381 с.
49. Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: Тип. Грачева и К°, 1866. – 553 с.
50. Щербинин А.И. Государь и гражданин // Полис. 1997. № 2. С. 159-171.
51. Bassin M. Geographies of imperial identity// Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge history of Russia. Vol. II. P. 45-66 p.
52. [Bendix](#) R. Kings Or People: Power and the Mandate to Rule. University of California Press, 1980. – 704 p.
53. Dimnik, M. The Rus' principalities (1125–1246) / Martin Dimnik // The Cambridge history of Russia. – Vol.1. – From Early Rus' to 1689 / by Maureen Perrie. – University of Birmingham. – Cambridge university press, 2006. P. 98-126.
54. Henshall N. The Myth of Absolutism: Change & Continuity in Early Modern European Monarchy London: Longman, 1992. – 245 p. Режим доступа:

http://royallib.com/read/henshell_nikolas/mif_absolyutizma_peremeni_i_preemstvennost_v_razvitiy_zapadnoevropeyskoy_monarhii_rannego_novogo_vremeni.html#0

55. [Isabel de Madariaga](#). Autocracy and Sovereignty, [Volume 16, Issue 3-4](#). P. 369 - 387.

56. Pipes R. Property and Freedom. Alfred A. Knopf, New York, 1999. – 415 p.

57. Russell E. Martin. Law, Succession, and the 18th Century Refounding of the Romanov Dynasty. С. 19. Режим доступа: <http://www.russianlegitimist.org/new-page-1/>.

58. Wortman R. The Russian Imperial Family as Symbol // Imperial Russia: New Histories for the Empire. Ed.by Jane Burbank,David L. Ransel. Indiana University press. 1998. P. 60-86.